Цыдэнэ Ш. Ц.

Проблематика нормативно-правовой базы самоуправления
сибирских «инородцев» в советской историографии
(1950–1980-е гг.)¹

Аннотация. В статье поставлена проблема эволюции нормативно-правового регулирования деятельности органов самоуправления сибирских «инородцев» в Российской империи на примере бурят в советской историографии. При этом рассматривается влияние историко-культурной среды на ход исторических исследований советских ученых; специфические черты изучения проблемы на различных этапах развития советской историографии; преемственность в трудах советских ученых по истории Бурятии. Подчеркивается особое значение трудов по социально-экономической истории бурят 1960–1970-х гг. для закрепления общепринятой периодизации истории бурятского народа как основы для перехода научных изысканий в поле изучения политических процессов. Сформулированы концепции законодательной политики русской монархии по отношению к самоуправлению сибирских «инородцев», вобравшие естественно-географические и социально-экономические факторы с учетом историко-культурной среды в действиях государственных институтов центральной и региональной властей, а также социальных институтов коренного населения.

Ключевые слова: Самоуправление, инородцы, автохтонное население, регионализм, законодательная политика, нормативно-правовой акт, партийное право, обычное право, советская историография.

Shirap Ts. Tsydene

The issue of the legal and regulatory framework for self-government of
Siberian indigenous peoples (Inorodtsy) in Soviet historiography
(1950s – 1980s)

Abstract. The article highlights the problem of the evolution of legal regulation of the activities of self-government bodies of Siberian inorodtsy in the Russian Empire on the example of the Buryats in Soviet historiography. At the same

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания – проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии (номер госрегистрации: 121031000263-3).

time, the author reviews the influence of the historical and cultural environment on the course of historical research of Soviet scientists; specific features of the study of the problem at various stages of the development of Soviet historiography; succession in the works of Soviet scientists on Buryat history. The special significance of works on the socio-economic history of the Buryats of the 1960s–1970s is emphasized for the consolidation of the generally accepted periodization of the history of the Buryat people as the basis for the transition of scientific research into the field of studying political processes. The author formulates concepts of the legislative policy of the Russian monarchy in relation to the self-government of Siberian inorodtsy. These concepts have absorbed natural-geographical and socio-economic factors, taking into account the historical and cultural environment in the actions of state institutions of the central and regional authorities, as well as social institutions of the indigenous population.

Keywords: Self-government, indigenous (inorodtsy), autochthonous population, regionalism, legislative policy, normative legal act, particular law, customary law, soviet historiography.

Изучение истории нормативно-правового регулирования самоуправления сибирских «инородцев» имеет давние традиции в отечественной историографии. Однако, до 1917 г. исследования в большей мере носили этнографический характер или преследовали прагматические цели в рамках административной работы.

Советская историческая наука подошла ко второй половине 1950-х гг., обобщив опыт дореволюционных коллег и закрепив единую марксистскую историческую концепцию [История... 1951]. Это позволило сформулировать общую периодизацию истории бурят-монгольского народа, которая была представлена Ф. А. Кудрявцевым в 1952 г. на совещании при Институте истории АН СССР. В соответствии с ней, период существования бурятского самоуправления по Уставу 1822 г. подразделяется на три этапа: время разложения феодальных отношений, затем развития капитализма и классового расслоения. Последний приходился на исторический период, который в советской исторической науке получил определение – империализм [Кудрявцев 1952: 19]. Эта периодизация легла в основу истории бурят-монголов в интересующий нас временной отрезок, в будущем в нее вносились только уточнения и доработки по общей логике событий.

Со второй половины 1950-х гг. в историографии преобладали труды по социально-экономической истории, а статистические материалы получили основополагающее значение в источниковой базе исторических исследований. Совокупные усилия историков должны были

служить фундаментальной цели осмысления хода истории для народов СССР, в особенности раскрытию важности преобразования «инородцев» в советские народы, а затем в советскую нацию, что нашло отражение на всесоюзных этнографических совещаниях 1951 и 1956 гг. На совещаниях были подняты проблемы преобразования культуры и быта крестьянства, а также этногенеза народов СССР [Тугутов 1958: 86–87, 92; Цибилов 1958: 79].

XXII съезд КПСС (17 по 31 октября 1961 г.) принял программу «построения коммунистического общества» и также объявил о всемерном содействии «дальнейшему усилению роли науки в строительстве коммунистического общества» [Программа... 1961: 6, 73–74].

Таким образом, перед бурятскими историками встает задача: понять и объяснить проблему этногенеза бурят и «консолидации бурятской социалистической нации», вкупе с разъяснениями по проблемам революционных событий первой четверти XX в. Это необходимо, чтобы понять природу изменений в национальной культуре и духовном облике бурят в связи с «перестройкой условий их общественной жизни» в рамках советского государства [Тугутов 1958: 92].

В основу исторических исследований была положена проблематика совместного проживания бурят и русских, тема присоединения бурятского народа к России и те следствия, которые оно породило [Залкинд 1958].

Именно так проблема истории самоуправления бурят в XVIII – начале XX вв. попала в круг «вопросов экономического развития и классовых отношений» и взаимодействия бурят с русскими, а также «по вопросам революционных событий в Бурят-Монголии в период трех русских революций» [Цибилов 1958: 79].

В этой связи возникла необходимость усилить источниковедческую работу, и была поставлена задача охватить всю историю бурят и русских в Забайкалье. Документами по XVII в. занимались Г. Н. Румянцев, по материалам XVIII в. был опубликован аннотированный указатель по архивным фондам ИВР РАН Л. С. Пучковским [Румянцев, Окунь 1960; Пучковский 1957]. Материалы первой половины XIX в. в научный оборот ввел Ф. А. Кудрявцев, подчеркнув необходимость формирования полноценного комплекса источников по XIX в. [Кудрявцев 1958].

В контексте изучения проблемы взаимовлияния бурят и русских в хозяйственной сфере определились конкретные направления в социально-экономических исследованиях, по вопросам землепользования

бурят, русской колонизации и ясачного сбора [Асалханов 1957; 1959; 1968; Румянцев 1957; Залкинд 1962; 1968; Егунов 1962]. В свою очередь это позволило сформировать базу социально-экономических исследований, которая станет опорой для историков при спецификации проблематики исследования в будущем.

Отметим, что советские историки опирались на труды дореволюционного периода, сохранявших свою актуальность. Так, например, Б. Д. Цибилов при анализе памятников обычного права селенгинских бурят привлекал работы Д. Я. Самоквасова, концепции Ф. И. Леонтовича, а также материалы В. А. Рязановского и Ц. Жамцарано, что позволило сделать автору вывод о невысокой степени классовой дифференциации в бурятском обществе [Цибилов 1970: 29].

С начала 1970-х гг. накопленная база социально-экономических исследований дала возможность историкам перейти к изучению социальных, а затем политических процессов. Е. М. Залкинд поднял вопрос об эволюции бурятского феодализма, его специфических чертах, которые бы доказывали существование прослойки феодалов [Залкинд 1970: 3–4], тем самым сфокусировавшись на проблеме социального строя в истории бурят.

М. М. Федоров задался целью выявить принципиальные черты и содержание правового регулирования статуса коренных народов Восточной Сибири в рамках Российского государства. Сфокусировав внимание на общих тенденциях в политике по отношению к коренным народам в статусе сибирских «инородцев» [Федоров 1978: 12].

В результате он изучил сложный процесс эволюции правового положения сибирских «инородцев» от статуса «ясачных» к «инородцам» через синтез государственных и общественных институтов, а затем встраивание, регламентацию форм общественной и хозяйственной жизнедеятельности коренных народов в правовое и социально-экономическое поле империи. Тем самым якутский историк сместил исследовательский акцент в сторону политического и правового аспекта.

Большой пробел в историографии по истории Сибири обнаружила В. В. Рабцевич [Рабцевич 1979]. Она заметила, что история административного деления Сибири в XVIII–XIX вв. выступала лишь фоном для изучения других исторических процессов, так и не став предметом специального исследования [Там же: 4]. Ее заслуга заключается в том, что история административного деления Сибири стала самостоятельной проблемой [Там же: 5]. Авторское видение В. В. Рабцевич расширило понимание связи между политическими процессами и админи-

стративной организацией государства с жизнедеятельностью общества. Так, она пришла к выводу о максимальной реализации в первой половине XIX в. тенденций по спецификации и учету местных особенностей в административном устройстве Сибири [Там же: 23–24]. Этот вывод был основан на системном анализе нормативных источников, что демонстрировало перспективность их использования в исторических исследованиях.

Заключительным аккордом советской историографии на этом этапе стали труды Л. М. Дамешека. В 1983 г. он предпринял успешную попытку проследить всю историю коренных народов Сибири после подчинения русской монархии через призму процесса эволюции ясачного режима [Дамешек 1983]. Таким образом, была показана степень влияния ясачной политики на жизнь сибиряков и, в частности, степень участия в ней Кабинета. В результате чего социально-экономическое развитие коренных народов на протяжении долгих лет сдерживалось административными барьерами в угоду фискальным интересам монархии [Там же: 132]. Несмотря на это сам ясак эволюционировал от недифференцированной ренты к податному оброчному обложению, но с рядом архаичных пережитков [Там же: 133–134].

Спустя три года Л. М. Дамешек расширил проблематику исследований, охватив политику самодержавия по отношению к инородцам в полном проявлении в рамках XIX – начала XX вв., уделив особое внимание роли региональной администрации в проведении правительственной линии [Дамешек 1986]. В ее деятельности он видит синтез двух факторов: во-первых – политическую волю центра, а значит и главенствующего класса, во-вторых – юридические условия, в которых находится региональная власть, вынужденная считаться с нормативно-правовым состоянием подотчетного ей населения [Там же: 3]. Особенно ярко это должно было проявиться в отношении управления коренными народами, которые обладали рядом специфических прав и обязательств, напоминающих сословные [Там же: 20–21].

В заключении Л. М. Дамешек вывел несколько ключевых моментов и периодов в истории нормативно-правовой базы самоуправления сибирских «инородцев»:

1. История до 1727 г. в качестве времени действия правовых прецедентов и частных законодательных актов, и после, когда из компетенции органов управления «инородцев» изъяли «криминальные» дела

[Там же: 163]. В историографии эти прецеденты и частные акты получили определение сепаратных узаконений [Числов 1902; Кодан 2010].

2. Принятие Устава 1822 г., который, по мнению автора, являлся наиболее широким законодательным актом, регулирующим все стороны жизнедеятельности «иностранцев» [Дамешек 1986: 164].

3. Особенно интересными являются его рассуждения о подготовке Сводов степных законов. Начавшаяся в 1822 г., она непомерно затянулась, а в 1830–40-х гг. власти признали их бесполезными для правительства. Регионализация и спецификация нормативной базы управления «иностранцев» стала помехой.

4. Наконец период 1860–1880-х гг. прошел в работе над проектами по распространению на Сибирский край положений общего закона от 19 февраля 1861 г., которые положили начало унификационным тенденциям и русификаторской политике центра и региональных властей с целью ассимиляции «иностранцев» [Там же: 165].

В результате, Л. М. Дамешек делает вывод о преобладании региональной специфики в нормативно-правовой базе самоуправления «иностранцев» в первой половине XIX в. которая во второй половине того же века уступила место унификационным и русификаторским тенденциями в политике правительства.

Интересным видением законов 1822 г. поделился С. В. Кодан, считая их попыткой кодифицировать нормативно-правовую базу коренных народов с четкой практико-исследовательской подготовкой [Кодан 1988: 116]. С целью стабилизации правового статуса «иностранцев» для инкорпорирования их в общеимперскую правовую систему [Там же: 117–118]. Было закреплено мнение о примате компромиссных начал при создании самоуправления [Там же: 120].

Таким образом, стало понятно, что проблема нормативно-правовой базы самоуправления сибирских «иностранцев» является неотъемлемой частью советской историографии. Вместе с тем, долгое время работы по проблематике находились в подчиненном положении по отношению к более общим вопросам отечественной истории.

Однако, формулирование полноценной периодизации истории бурят-монгол под авторством Ф. А. Кудрявцева сделало возможным углубленное изучение национальной истории. Прямое отражение этого достижения мы видим в превалировании трудов социально-экономического толка в отечественной историографии с 1950-х по

1960-е гг., когда историки внесли ряд уточнений в данную периодизацию.

Историческое сообщество поставило задачу изучить причины и тенденции сформировавшие капиталистические начала в хозяйстве бурят-монгол. Ответ на этот вопрос служил фундаментальной цели осмысления хода истории для всех советских народов, в особенности раскрытия их важности в национально-государственном строительстве и трансформации в советскую социалистическую нацию. Главный курс состоял в изучении проблемы взаимовлияния русского и бурятского народов в XIX в., по конкретным вопросам землепользования бурят, русской колонизации и ясачного сбора, что спровоцировало активную работу в региональных и столичных архивах. Все это позволило подготовить почву для качественных перемен.

Таким образом, с 1970-х гг. вплоть до начала 1990-х гг. мы можем наблюдать качественные изменения в проблематике. Обобщение опыта социально-экономических исследований с целью уточнения теории общественно-экономических формаций в истории бурят положило начало этим изменениям.

Сущность этих изменений заключается в переходе от социально-экономической истории к изучению политических процессов. Предметом специального исследования стал вопрос эволюции правового статуса коренных народов Сибири, что позволило осветить процесс государственной регламентации социальных и хозяйственных форм жизнедеятельности народов Сибири от политики невмешательства к синтезу правовой системы империи с институтами общественного управления «иностранцев» и последующим инкорпорированием их в официальную административную и правовую систему империи.

Научному анализу были подвергнуты все проявления внутренней политики империи по отношению к коренным жителям. В результате была выяснена логика законодательной политики империи при переходах от сепаратных узаконений до 1727 г. к последовательной регламентации и инкорпорированию самоуправления «иностранцев» вплоть до кодификации нормативно-правовой базы их самоуправления в первой четверти XIX в.

Были определены этапы в усилении унификаторских и русификаторских тенденций в правительственной политике в 1830–40-е гг. и переход самоуправления «иностранцев» в 1860–1880-е гг. к общеимперскому стандарту.

В итоге, нормативно-правовая база самоуправления «инородцев» получила всестороннее рассмотрение в трудах советских историков в соответствии с конкретными историко-культурными установками каждого из периодов советской историографии по теме. В результате чего был осуществлен переход в проблематике исследований от социально-экономической истории к политической, с акцентом на изучение эволюции нормативно-правового статуса коренных народов Сибири в политике Российской империи.

Литература

1. Асалханов И. А. О правах хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли // Записки БМНИИ. 1957. № 23. С. 55–75.
2. Асалханов И. А. Влияние вхождения Бурятии в состав России на хозяйственное и общественное развитие бурят // Труды БКНИИ. 1959. Вып. 1. С. 21–38.
3. Асалханов И. А. Об обычном праве Кудинских бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды БИОН БФ СО АН СССР. 1968. Вып. 5. С. 174–211.
4. Дамешек Л. М. Ясачная политика Царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. 136 с.
5. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 168 с.
6. Егунов Н. П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Ученые записки БГУ. 1962. Вып. XXV. С. 126–145.
7. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 320 с.
8. Залкинд Е. М. Из истории крестьянской колонизации Забайкалья в XVIII – начале XIX в. // Из истории народов Бурятии. Труды БКНИИ. 1962. Вып. 10. С. 73–84.
9. Залкинд Е. М. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды БИОН БФ СО АН СССР. 1968. Вып. 5. С. 140–149.
10. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.
11. История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. / Под ред. д-ра ист. наук А. П. Окладникова. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. 574 с.
12. Кодан С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика Самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. 1988. С. 114–123.
13. Кодан С. В. Развитие системы Российского законодательства (середина XVII – XVIII вв.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. С. 11–20.

14. Кудрявцев Ф. А. К вопросу о периодизации истории Бурят-Монголии // Совещание по основным вопросам истории Бурят-Монголии при Институте истории Академии Наук СССР. 1952. С. 3–20.
15. Кудрявцев Ф. А. Материалы по истории Бурятии в конце XVIII и первой половине XIX в. // Записки БНИИК. 1958. № 25. С. 192–203.
16. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.
17. Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института Востоковедения (история, право) / Под ред. Б. И. Панкратова, Д. И. Тихонова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 277 с.
18. Рабцевич В. В. Административно-территориальное деление Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма / сборник научных статей. Новосибирск: Новосибирский гос. педаг. институт, 1979. С. 3–26.
19. Румянцев Г. Н. Материалы для истории землевладения у бурят // Записки БМНИИК. 1957. Вып. № 23. С. 76–117.
20. Румянцев Г. Н., Окунь С. Б. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ, 1960. 493 с.
21. Тугутов И. Е. Этнографическое изучение Бурят-Монголии // К 35-летию Института Культуры (сборник статей). Улан-Удэ, 1958. С. 81–95.
22. Федоров М. М. Правовое положение народов Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1978. 207 с.
23. Цибилов Б. Д. Об изучении истории Бурятии за советский период // К 35-летию Института Культуры (сборник статей). Улан-Удэ, 1958. С. 57–81.
24. Цибилов Б. Д. Обычное право Селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 283 с.
25. Числов П. И. История русского права Московского и Петербургского периодов. М.: типо-лит. А. В. Васильева и К, 1902. 474 с.

References

1. Asalhanov I. A. O pravah horinskih i aginskih burjat na zanimаемые им земли // Zapiski BMNIK. 1957. № 23. S. 55–75. [In Russ.].
2. Asalhanov I. A. Vlijanie vhozhdjenja Burjatii v sostav Rossii na hozjajstvennoe i obshhestvennoe razvitie burjat // Trudy BKNII. 1959. Vyp. 1. S. 21–38. [In Russ.].
3. Asalhanov I. A. Ob obychnom prave Kudinskih burjat // Issledovaniya i materialy po istorii Burjatii. Trudy BION BF SO AN SSSR. 1968. Vyp. 5. S. 174–211. [In Russ.].
4. Dameshek L. M. Jasachnaja politika Carizma v Sibiri v XIX – nachale XX v. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1983. 136 s. [In Russ.].

5. Dameshek L. M. Vnutrennjaja politika carizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX v.). Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1986. 168 s. [In Russ.].
6. Egunov N. P. K voprosu o vvedenii instituta krest'janskih nachal'nikov v Zabajkal'e // Uchenye zapiski BGU. 1962. Vyp. XXV. S. 126–145. [In Russ.].
7. Zalkind E. M. Prisoedinenie Burjatii k Rossii. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1958. 320 s. [In Russ.].
8. Zalkind E. M. Iz istorii krest'janskoj kolonizacii Zabajkal'ja v XVIII – nachale XIX v. // Iz istorii narodov Burjatii. Trudy BKNII. 1962. Vyp. 10. S. 73–84. [In Russ.].
9. Zalkind E. M. K karakteristike politiki carizma po otnosheniju k burjam v XVIII v. // Issledovanija i materialy po istorii Burjatii. Trudy BION BF SO AN SSSR. 1968. Vyp. 5. S. 140–149. [In Russ.].
10. Zalkind E. M. Obshhestvennyj stroj burjat XVIII i pervoj polovine XIX v. M.: Nauka, 1970. 400 s. [In Russ.].
11. Istorija Burjat-Mongol'skoj ASSR. T. I. / Pod red. d-ra ist. nauk A. P. Okladnikova. Ulan-Udje: Burmongiz, 1951. 574 s. [In Russ.].
12. Kodan S. V. M. M. Speranskij i kodifikacija sibirskogo zakonodatel'stva // Politika Samoderzhavija v Sibiri XIX – nachala XX v. 1988. S. 114–123. [In Russ.].
13. Kodan S. V. Razvitie sistemy Rossijskogo zakonodatel'stva (seredina XVII – XVIII vv.) // Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava. 2010. S. 11–20. [In Russ.].
14. Kudrjavcev F. A. K voprosu o periodizacii istorii Burjat-Mongolii // Soveshhanie po osnovnym voprosam istorii Burjat-Mongolii pri Institute istorii Akademii Nauk SSSR. 1952. S. 3–20. [In Russ.].
15. Kudrjavcev F. A. Materialy po istorii Burjatii v konce XVIII i pervoj polovine XIX v. // Zapiski BNIK. 1958. № 25. S. 192–203. [In Russ.].
16. Programma Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza. M.: Gospolitizdat, 1961. 144 c. [In Russ.].
17. Puchkovskij L. S. Mongol'skie, burjat-mongol'skie i ojratskie rukopisi i ksilografiy Instituta Vostokovedenii (istorija, pravo) / Pod red. B. I. Pankratova, D. I. Tikhonova. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 277 s. [In Russ.].
18. Rabcevič V. V. Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri v poslednej chetverti XVIII – pervoj polovine XIX v. // Krest'janstvo Sibiri perioda razlozhenija feodalizma i razvitija kapitalizma / sbornik nauchnykh statej. Novosibirsk: Novosibirskii gos. pedagog. institut, 1979. S. 3–26. [In Russ.].
19. Rumjancev G. N. Materialy dlja istorii zemlevladienija u burjat // Zapiski BMNIK. 1957. Vyp. № 23. S. 76–117. [In Russ.].
20. Rumjancev G. N., Okun' S. B. Sbornik dokumentov po istorii Burjatii XVII v. Ulan-Udje, 1960. 493 s. [In Russ.].
21. Tugutov I. E. Jetnograficheskoe izuchenie Burjat-Mongolii // K 35-letiju Instituta Kul'tury (sbornik statej). Ulan-Udje, 1958. S. 81–95. [In Russ.].

22. Fedorov M. M. Pravovoe polozhenie narodov Sibiri (XVII – nachalo XIX v.). Jakutsk: Jakut. kn. izd-vo, 1978. 207 s. [In Russ.].
23. Cibikov B. D. Ob izuchenii istorii Burjatii za sovetskij period // K 35-letiju Instituta Kul'tury (sbornik statej). Ulan-Udje, 1958. S. 57–81. [In Russ.].
24. Cibikov B. D. Obychnoe pravo Selenginskih burjat. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1970. 283 s. [In Russ.].
25. Chislov P. I. Istorija russkogo prava Moskovskogo i Peterburgskogo periodov. M.: tipo-lit. A. V. Vasil'eva i K, 1902. 474 s. [In Russ.].